

ВАЛЕРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Российская Федерация)
vihnn@mail.ru

О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКА КАРЕЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ XVII ВЕКА НА ТОПОНИМИЮ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Первая часть статьи кратко рассматривает историю русификации карельского населения в пределах Новгородской области. Вторая – главная по содержанию и большая по объему – часть статьи исследует, каким образом карельский языковой элемент отразился в новгородской ономастике, особенно в топонимии. Сегодня карельские географические названия можно найти только в тех местах Новгородской области, где карелы существовали как особый этнос в XX веке (окрестности Валдая, Боровичей, Окуловки, Любытина, Демянска, Крестцев и некоторые деревни в среднем течении Мсты). В таких местах остаются также народные предания о появлении карел и воспоминания об их жизни. Этнонимы *карелы*, *корелы*, *кореляки* часто используются как коллективные прозвища жителей отдельных деревень и иногда становятся обозначениями людей, которые говорят непонятно, с диалектными особенностями. Карелы, расселявшиеся среди русского новгородского населения, обычно усваивали русскую топонимию в готовом виде, поэтому карельских по происхождению названий новгородских селений очень мало. В статье подробно анализируются предположительно или явно карельские названия деревень *Костково* (< *Касково*), *Тиккулы*, *Сюйска*, *Нъвуя*, *Перье*. Генетически русские названия селений тоже иногда свидетельствуют о бывшем присутствии карел: *Корельские Новики*, *Корельское Раменье*, *Пестово Корельское* и др. (с атрибутом *корельский*), *Байнёво* (в связи с переводом карел. *periti* ‘изба’ как новг. диал. *байня* ‘баня’). Карельский языковой вклад лучше всего отразился в новгородской микротопонимии – названиях незначительных объектов ландшафта возле селений. В статье изучаются разные типы карельских микротопонимов: с русским суффиксом *-ушк-* (*Шилдушка*, *Кангушки*, *Ламбушка* и др.); без русских суффиксов (*Шалма*, *Лодма*, *Рожма*, *Шакиа*, *Бруда* и др.); с двумя основами (*Шитто-Вара*, *Мада-Ламба*, *Тамме-Ручей*, *Габо-Роца* и др.). Карельская микротопонимия нередко связана с местными народными легендами о нечистых местах, старинных захоронениях и др.

Ключевые слова: карелы, ассимиляция, этнос, Новгородская область, топонимы, этнонимы, диалектная лексика

Регион Новгородской области известен как одна из территорий переселения и нового местожительства значительного числа православных карел, которые бежали на юг по итогам Столбовского мирного договора 1617 года. Тематика карельско-русского языкового взаимодействия XVII–XX веков, сопряженная с оценкой позднего карельского лексико-топонимического субстрата в Новгородской области, изучена слабо. Хочу заметить, что целенаправленного изучения карельского элемента в Новгородской области мною тоже не проводилось, и предлагаемая статья не претендует на широкое развертывание данной сложной темы, скорее, речь в ней пойдет о ряде частных наблюдений применительно к «карельскому фактору» в Новгородском крае.

Хотя переселение карел из региона Северного Приладожья в более южные районы Новгородской земли (Бежецкую, Деревскую и Шелонскую пятины) началось почти сразу после 1617 года, судя по письменным свидетельствам, наибольший размах этот процесс приобрел в середине XVII века, перед русско-шведской войной 1656–

1658 годов и в период этой войны, после которой обширный Корельский уезд почти обезлюдел [5: главы III, IV]. Уже в 1660-е годы в основном сложились существовавшие столетиями в великорусском окружении разрозненные острова карельских селений, основные скопления которых, как хорошо известно, представлены тверскими карелами (преимущественно расселившимися в северо-восточной части Тверской области), тихвинскими карелами (сегодня в Бокситогорском районе Ленинградской области, бассейн Чагоды) и валдайскими, или, шире, новгородско-валдайскими, карелами (преимущественно на Валдайской возвышенности в Новгородской области).

Если тверские и тихвинские карелы до сих пор продолжают существование в виде постепенно угасающих этноязыковых реликтов, то карелы на территории Новгородской области были полностью ассимилированы русскими еще пару десятилетий назад – к исходу XX века. Исследователи достаточно подробно проследили процесс русификации новгородских карел за последние полторы сотни лет, основной массив которых

был сосредоточен в окрестностях Валдая. Этнографическая карта П. И. Кёппена, первое издание которой вышло в 1851, а третье, уточненное, издание – в 1855 году¹, отмечает десятки селений не только в Валдайском, но и в Боровичском, Крестецком, Демянском и Новгородском уездах, где жили карелы и слышалась карельская речь. В середине XIX века карелы были двуязычны, но сельские жители Валдайского уезда еще хранили воспоминания о тех временах, когда карелы не знали русского языка; см. свидетельство Новгородского сборника издания 1865 года:

Все прихожане кореляки, впрочем, со сторонними людьми хорошо говорят и по-русски. Было, говорят старики, время, когда здешние жители не знали ни одного слова русского; есть даже и теперь старики, которые худо говорят по-русски и мешают в русскую речь много своих карельских слов (Наволоцкий приход к юго-востоку от Валдая) (НС: II, 113)².

Судя по наблюдениям 1910-х годов (Ю. Куёла [24: 33–34], К. Лебедев [10: 15]), в деревнях на Валдае в этот период по-карельски говорили только люди пожилого возраста, а молодежь стеснялась исконного языка и предпочитала русский. Фольклорно-диалектологические экспедиции середины XX века показали, что к началу 1960-х годов карельским языком на Валдае владели не более 50 человек пожилого возраста [22: 4], а последние записи карельской речи были сделаны А. В. Пунжиной в 1983 и 1990 годах в д. Марково Валдайского района [15: 6]. Полевые обследования С. А. Мызникова 1994–1995 годов и экспедиции А. А. Бландова, проходившие с 2010 года, уже не выявили в Новгородской области ни одного местного жителя, говорившего по-карельски [2: 79], [11: 167]. Мои многочисленные поездки по деревням Новгородской области тоже не дают ни единого свидетельства о наличии карелоязычных старожилов.

Таким образом, история карел, живших на территории современной Новгородской области, имеет свои отчетливо датированные начало, конец и длительность – приблизительно 350 лет. Продолжение, хотя и на излете, истории тверских карел связано, надо полагать, главным образом с количественным фактором: судя по документации, на тверские земли, прежде всего в Бежецкий Верх, карельских семей изначально прибыло существенно больше, чем на новгородскую Валдайскую возвышенность [5: 74]. Что касается сообщества тихвинских карел, то они сохранились сравнительно лучше, чем валдайско-новгородские, не по причине своей численности (согласно переписи 1897 года в Тихвинском уезде был 1371 человек, говорящий по-карельски, тогда как в Валдайском уезде таких лиц отмечено 5808, см. [19: 581]), а благодаря большей географической изоляции (и, надо полагать, изоляции конфессиональной, поскольку многие тихвинские карелы были старообрядцами, см. [17: 31–34, 45]).

Новгородско-валдайские карелы жили вблизи уездных городов Валдай, Демянск, Боровичи, Крестцы рядом с большой столбовой дорогой между Москвой и Петербургом, что, разумеется, способствовало их ассимиляции.

В пределах Новгородской области утрата карелами этноязыковой идентичности происходила везде по-разному, с разной скоростью. Так, согласно карте переселения карел в Россию в XVII веке, представленной в книге [8: 132], в окрестности Старой Руссы и немного южнее из Корельского уезда бежали более 1000 (548 + 475) карельских семей, если судить по запросным спискам шведских властей Кексгольма, обращенным к русским властям и содержащим информацию о том, какие люди бежали, откуда и куда. В частности, по архивным фондам Иверского монастыря известно, что многие из этих бежавших карел обосновались в 1659 году в Воскресенском погосте Старорусского уезда, на землях, принадлежащих Иверскому монастырю, – в деревнях Лосытино, Зубакино, Сущево, Першино и др. (см. [5: 67]). Перечисленные деревни и урочища (из них жилой сегодня остается только д. Лосытино), расположенные вдоль реки Порусьи, мне прекрасно знакомы, и я могу с достаточной уверенностью сказать, что очевидных следов карельского этноса, языковых, этнографических и фольклорных, в данной местности не сохранилось. Похоже, карельского населения в окрестностях Старой Руссы не было уже в середине XIX века, по крайней мере карта Кёппена середины XIX века не отмечает в Старорусском уезде ни одной карельской деревни³. Согласно переписи 1897 года, в Старорусском уезде проживали 35 карел, но, поскольку среди этого числа имелась лишь одна женщина (по данным [19: 581]), нетрудно заключить, что эти карелы-мужчины не были местным старожильческим населением, а занимались отхожими промыслами. А. А. Бландов пишет, что процесс ассимиляции валдайских карел «приобрел необратимый характер» к началу XX века [2: 79], но в ряде карельских селений обрусение происходило уже в середине XIX века. Новгородский сборник 1865 года сообщает, что в д. Фалево близ города Валдай все «жители говорят по-корельски, но молодое поколение уже бросает этот язык» (НС: II, 93)⁴. Ускоренное обрусение сообщества карел д. Фалево объяснимо близостью к городу и разнообразием их деятельности: помимо традиционного земледелия, они занимаются извозом, ловлей зверей, а большая часть уходит в разные города на заработки (НС: II, 93). Но и в более глухих местах Новгородской губернии карелы подвергались ускоренной ассимиляции уже в середине XIX века, если проживали в селениях не чисто карельских, а смешанных, русско-карельских. Н. Г. Богословский, описывая состав населения Хубецкого прихода Крестецкого уезда в среднем течении Мсты на

период начала 1860-х годов, сообщает, что «из крестьян этих деревень очень немногие говорят по-корельски, и то между собою, с русскими говорят по-русски хорошо», а дети этих кореляков, «хотя и умеют говорить по-корельски, но уже очень редко говорят» (НС: IV, 120).

Писцовая и межевая книга дворцовых земель Новгородского уезда 1673–1685 годов сообщает о сотнях «зарубежных выходцев корелян», заселивших микрорегион Ильменского Поозерья юго-западнее Новгорода и ближайшие западные окрестности Новгорода. Эти «кореляне» почти всегда занимали пустоши, возродив тем самым ранее заброшенные приновгородские деревни Трощаников Бор, Корпово, Соино, Неронов Бор, Струга (Харамзино), Мининская, Соснец, Горка, Сапунов Бор, Здринога, Медвежья Голова, Лисья Гора, Батурино, Ляпино, Дубня Земецкая, Богдановская (Оверкиево), Горка Ждановская Овцына, Вошково, Люболяд Задней, Нехино, Нехино, Лентиево, Обросово, Фарафоново, Поддубье, Окатово, Леваново, Завитье, Заболотье (Сидорково), Подсосонье, Каменка; из жилых деревень, куда подселили «корелян», книга называет всего две: Лукиншина⁵ и Видогоща. Правда, указанные книгой 1673–1685 годов «кореляне» вряд ли были собственно карелами или выходцами из обширного Корельского уезда; «корелянами» здесь, скорее, названы максимально близкие к карелам ижорцы (ижоры, ижеряне)⁶, поскольку все эти вышедшие в 1654, 1655, 1669 годы из-за шведско-русского рубежа люди пришли под Новгород из погостов на территории Ингерманландии, а именно – из Яросалского (= Яровосольского), Ижерского, Спасского Невского, Ополецкого, Кипенского, Григорова⁷, Грязенского (Грезневского), Суецкого (= Суйдовского), Дятенского (= Дятелинского), Ореховского, Заруцкого, Замозского, Врудского погостов [7: 302, 303, 306, 307, 309, 313, 318, 322, 323, 326–328, 330, 332, 343–346, 348, 350, 351, 353–358, 360, 361, 363, 364, 376, 379]. В XIX веке никаких следов ранее многочисленных «корелян» в западных и юго-западных окрестностях Новгорода, конечно, уже не было, по крайней мере этнограф П. И. Якушкин, путешествовавший в декабре 1858 года по новгородскому Ильменскому Поозерью, встретил там только русских людей [20: 40–66].

Масштабное внедрение в XVII веке карельского этноязыкового элемента в русскую диалектную среду Новгородской земли, разумеется, не прошло бесследно для местных новгородских говоров, особенно для топонимии, антропонимии, диалектной лексики, а также, надо полагать, для иных уровней языковой системы. Но, скорее всего, если судить по предварительным наблюдениям, языковые (и не только) следы карел мы сегодня найдем лишь в тех местах Новгородской области, где карелы-старожилы существовали как особый этнос в XX веке, хотя бы в самом

начале XX века, где до сих пор еще сохраняются народные воспоминания о них (кое-где в окрестностях Валдая, Боровичей, Окуловки, Любытина, Демянска, Крестцев, включая некоторые деревни в среднем течении Мсты). В тех же местах Новгородской области, где карелы этнически исчезли давно – в XIX веке, трудно надеяться на систематические языковые находки явно карельского происхождения. Это прежде всего относится к окрестностям Старой Руссы и Новгорода, где карел во 2-й половине XIX века уже не было. Впрочем, севернее Новгорода, по берегам Волхова, в отличие от местностей близ Старой Руссы, этнографическая карта 1851 года отмечает еще карельские «гнезда», но все эти приновгородские карелы проживали в селениях-колониях, основанных в 1836 году (Николаевская колония и Александровская колония на правом берегу Волхова), и, согласно переписи 1897 года, в Новгородском уезде их насчитывалось всего 95 мужчин и 2 женщины, по данным [19: 581]. Безусловно, карельские семьи разрозненно проживали в разных других местах современной Новгородской области, но из-за малочисленности они не имели шансов этнически сохраняться там длительное время.

Там, где карелы существовали в XX веке, по сей день в Новгородской области остаются о них народные воспоминания, а этноним *карелы* (*корелы*, *кореляки*⁸) хорошо знаком местным жителям. В таких местностях еще живы народные предания о появлении местных карел. Так, в д. Каменка Любытинского района студенты Новгородского государственного университета (НовГУ) записали следующее: «Суворов привез из Карелии в Каменку и окрестные деревни первых людей из Карелии. Многие здесь разговаривали по-карельски» (2003 год). В д. Сосницы Маловишерского района жители сообщили, что «карелы вначале тут были, но обрусели уже давно», а также рассказали, что «когда шли шведы и поляки, шли карелы и по устью реки основывали жилища. Названий у нас тут много карельских, да и язык карельский когда-то знали» (2012 год). О карелах хорошо помнят в селениях Крутец Окуловского района, Костково, Усиха Валдайского района, Барашиха, Виниха Крестецкого района и др. Иногда местные народные легенды связывают с карелами возникновение не только самого населенного пункта, но и его названия. В д. Ватагино Окуловского района рассказали, что деревню основали и были ее первыми жителями «корелы», которые пришли «ватагой на новые земли» (2015 год). О названии ныне уже нежилой д. Лобаново Валдайского района жители соседнего Большого Замощья поведали следующее: «В деревне лобарі – карелы жили. От них и несет свое название» (2003 год). Похоже, словом *лобарі* здесь неточно передан этноним *лонарі* – старое наименование саамов, которое нередко переносят на карел.

В речи новгородских старожилов этноним *карелы* иногда становится «микроэтнонимом» (по терминологии О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева, см. [6: 151–152]), а именно превращается в коллективное прозвище жителей некоторых деревень с бывшим карельским населением. С. А. Мызников зафиксировал такого рода микроэтнонимы для ряда деревень вблизи Валдая: Угриво, Ерёмина Гора, Бор, Середя, Пестово и др. [11: 168]. Подобное есть и в моем полевом диалектологическом материале начала 2000-х годов. Так, жители села Шереховичи Любытинского района жителей соседней д. Колоколуша называли *карелами*, а деревню *карельской*, хотя никаких карел там уже давно нет. В самой же Колоколуше подтвердили, что карелы здесь жили раньше, а сейчас все говорят по-русски. Аналогичное прозвище прилагалось окрестным населением к русскоязычным жителям д. Костково в Валдайском районе.

Кроме того, в говорах Новгородской области карельские этнонимы порой превращались в личные обозначения, характеризующие речевые особенности. Специфически новгородским, ранее не отмечавшимся, является смысловое преломление этнонима *карелы* для обозначения людей с «окающим» говором. В «акающем» Марёвском районе приходилось слышать прозвище *карелы* применительно к жителям соседнего Демянского района, где распространено оканье. Вероятной предпосылкой для такой семантизации этнонаименования послужило то обстоятельство, что селения новгородских карел в самом деле располагались в ареале оканья. В Хвойнинском районе отмечено *кореляк* с более общим значением: «человек, говорящий с диалектными особенностями»: «Есть у нас деревня такая, Кашино называется. Там люди тоже коряво говорят, кореляки страшные, страшно кореляют» [12: 432]. От этнонима образовался глагол *корелять* (*корылять*) «непонятно говорить; говорить иначе, чем принято в данной местности»: «На мотоциклете-то он ехал, кореляет и кореляет, говорит не по-нашему» (Ст. + Вол., Тихв., Хв.), «неправильно говорить; коверкать речь»: «Мы корыляем, неправильно, непонятно говорим» Ок. (Там же). Глагольные дериваты от *корел*, *кореляк* (*корелáчить*, *корелéчить*, *кореля́чить*, *кóрелить*, *кореля́ть*) в значении «говорить непонятно», «говорить по-карельски», «говорить с карельским акцентом», «говорить на своем диалекте» нередки также в русских говорах Карелии и в Мурманской области [16: 2, 422–423].

Карелы внедрились в русскоязычную среду с топонимическим ландшафтом одного этноса, имевшего устойчивые топонимические традиции, которые сложились столетия назад. Немногочисленный карельский элемент не оказал никакого влияния на новгородский топонимикон более или менее заметных новгородских населен-

ных пунктов, волостей, территорий, сравнительно крупных рек и озер. Все такие топообъекты были поименованы задолго до прихода карел, и карелы просто усвоили готовые названия. Что касается малоизвестной многочисленной «деревенской» ойконимии, то в ней карельский языковой вклад хотя и присутствует, но в очень ограниченной мере. Согласно исторической документации, во 2-й половине XIX века в Валдайском уезде насчитывалось около сотни чисто карельских и смешанных карельско-русских деревень во многих волостях и приходах (Зимогорской, Наволоцкой, Новотроицкой, Ивантеевской, Городенской, Бельской, Робежской и др.), в Боровичском уезде, судя по церковным ведомостям, – 34 деревни в Никандровской, Шереховичской, Лъзичской и Рядокской волостях (за 1882 год, см. [19: 588]), в Крестецком уезде – более 30 деревень в приходах села Хубец, села Селищи и Морозовичского погоста, отдельные деревни, где жили карелы, находились на юго-востоке Демянского уезда (Вельевская волость) и в других местах. Однако практически все карельские деревни носят русские названия, причем значительная часть из них упомянута в писцовых книгах XV–XVI веков: Середя, Гагрино, Крестовая, Еремина Гора, Фалёво, Каменка, Лучки и целый ряд других. Ойконимия, следовательно, подчеркивает, что новоприбывшие карелы не разрабатывали новых мест обитания посреди дикого леса, а занимали места бывших деревень – пустоши, урочища, за которыми сохранялись прежние названия, используемые окрестным русскоязычным населением. В 1-й половине XVII века новгородские погосты-округа изобиловали пустошами, ибо Новгородская земля во многих местностях обезлюдела после потрясений Смутного времени начала XVII века. Новоприбывшие карелы часто поселялись на пустовавших частновладельческих землях (монастырских и помещичьих), а в середине XVII века многие из них осели на государственных землях [5: 71]. Реже они подсеялись в жилые русскоязычные деревни. Безусловно, карелы сыграли большую положительную роль в возрождении ранее освоенной новгородской территории, а не в освоении прежде безлюдных диких земель, чем, собственно говоря, и объясняется ограниченность карельского вклада в новгородский топонимический ландшафт.

Изредка о карельских селениях, о проживании в местности карел сигнализируют русские составные ойконимы, включающие атрибутив *Карельский* (*Корельский*). Например, южнее города Валдая, в Ивантеевской волости, ранее плотно населенной карелами, были погост *Карельский Наволок*, д. *Карельские Новики* (иначе – *Сухая Ветошь*), топонимически противопоставленная д. *Русские Новики* (СНМНГ: V, 44, 46)⁹, в Степанковской волости Боровичского уезда существовала д. *Карельское* (или *Залужье*) (СНМНГ: VI, 114),

в Звонецкой волости Тихвинского уезда была д. *Карельское Раменье* (СНМНГ: VII, 56) (сегодня – урочище Рамень близ деревни Оксово Любытинского района), в Охонской волости Устюженского уезда была д. *Пестово Карельское*, противопоставленная д. *Пестово Русское* (СНМНГ: III, 70) (на месте последней в 1930-е годы вырос город *Пестово*, районный центр Новгородской области). Данные ойконимы были даны населенным пунктам, где жили карелы, от соседнего русского населения. Сюда же отходят еще названия ручьев *Карельский* и *Карельский* среди притоков Холовы в Крестецком районе [3: 187, 191].

Некоторые русские по происхождению ойконимы могут сигнализировать о былом присутствии карельских переселенцев даже без прямого указания на карельское этническое имя. Деревня *Байнёво*, расположенная на северном берегу озера *Байнево* (*Байневское*) в истоке Шегринки, в паре десятков километров к северу от города Валдай, в средневековое время именовалась д. *Будовна* Ужинского погоста, впервые она отмечена писцовой книгой Деревской пятины 1495/96 года (НПК: I, 354)¹⁰. Современное название известно с XVIII века: д. *Байнева* Валдайского уезда Новотроицкой волости прихода Ужинского Троицкого [18: I, 277, № 2337], (НС, II: 147). Вытеснение средневекового ойконима *Будовна* (деривата от др.-рус. *будовати*, ср. рус. диал. *будовать* ‘строить, возводить’ [4: I, 136], т. е. *Будовна* – ‘построенная’, ‘постройка, жилище’) безусловно произошло после превращения жилого селения в пустошь в конце XVI – начале XVII века, в эпоху, когда запустение новгородских деревень приняло массовый характер. Вместе с тем известно, что в этой местности жили переселенцы-карелы, в частности, источник 1865 года отмечает вблизи Байнёво целиком карельские д. Борисово и д. Новое Сельцо (НС: II, 146, 147), сама же д. Байнево прилегает к небольшому озерку с карельским названием *Шакша* (СНМНГ: V, 67), ср. карел. твер. *šakša* ‘вешала, приспособление для сушки сетей’ [14: 262]. Есть предположение, что пустошь на месте бывшего селения Будовна была освоена карелами и новообразованная карельская деревня, вопреки обыкновению, не продолжила старое название, а закрепила за собой новое название *Байнёво*, полученное от русскоязычных соседей: *Байнево* произведено от новг. *байня* ‘баня’ и означает ‘банное’. Одновременно сменилось название смежного с деревней озера: на плане Валдайского уезда 1780-х годов озеро подписано *Байнѳвец*, тогда как ранее, в XV–XVI веках, именовалось *Сырь*: «въ озерѣ въ Сыри» (НПК: I, 358), [13: 5, 156, 161]. Похоже, замещение имен деревни и озера было вызвано именно замещением местного русского населения на карельское в XVII–XVIII веках. Дело в том, что карел. *pertti* ‘изба’ и др.-новг. *перть* ‘баня’ фонетически близки (и этимологически едины!), и если русские люди

слышали от карел карельское обозначение избы, они невольно сближали его с издревле известным им словом *перть* ‘баня’. Поэтому когда карелы построили на месте заброшенной д. Будовна свои избы-*pertti*, соседнее русское население могло калькировать обозначение этих изб новгородским диалектизмом *байни*, а самим деревне и озеру присвоить названия *Байнёво*, *Байнѳвец*. Подкрепляет данную версию тот факт, что тождественное калькирование обнаружено в ином месте на Валдае, кстати говоря, в пределах этой же Новотроицкой волости, где близ селений Серганиха и Костково находится небольшое озеро, именуемое *Пертичко* (*Пертично*), или, иначе, *Баянное*: первое из данных названий, возможно, карельское, адаптированное на русской почве, а второе – его русский перевод. Более того, в некоторых новгородских источниках карельские избы действительно называют банями, и это, конечно, связано не только с тем, что приземистые избы бедняков-карел походили на бани, но и с собственно лингвистическим моментом.

Лишь очень немногие сельские населенные пункты, где жили карелы, носят названия предположительно или явно карельского происхождения. Так, нельзя исключить, что ойконим *Костково* в северо-западных окрестностях Валдая образовался от карел. *kaski* ‘подсека’, то есть перед нами переименованная на русский лад первоначальная топонимация поселения карел на подсеке – лесной рощи. Действительно, д. Костково не упоминают средневековые источники XV–XVI веков, первые сведения о ней появляются в XVIII веке (на плане Валдайского уезда 1780-х годов под названием *Касково*, без буквы *т*, см. [18: 3, 90, дача № 311], затем *Косково*, *Коськово* в материалах XIX века), следовательно, возникла она, скорее всего, в XVII веке или в начале XVIII века, то есть примерно тогда, когда появлялись многие другие карельские деревни на Валдае. В прилегающей местности издавна поселилось немало карел: помимо *Костково*, карельскими указывают соседние с ней д. *Лучки* (под этим же названием дана книгой 1495 года (НПК: I, 854)), *Серганиха* (ее нет в книгах XV–XVI веков), *Комово*, возможно, *Усиха* (на месте д. *Усова Гора* 1495 года (НПК: I, 900)). Суффиксальная адаптация карел. *kaski* в форму *Касково* вполне вероятно и столь же вероятна дальнейшая подгонка *Касково* под современный вариант *Костково* законченно русского облика (от *Кост(ь)ко*, старинной народной формы имени *Константин*). Однако уверенно утверждать, что название рассматриваемой д. *Костково* является карельским, мы все же не вправе, поскольку в разных местах Новгородской земли, в том числе и на Валдае, находится несколько других селений, называемых *Костково* (*Костьково*), и все они зафиксированы новгородской письменностью еще в XVI веке.

С большей уверенностью можно видеть карельский субстратный след в названии д. Сюйська Маловишерского района, Бургинское сельское поселение. Ойконим был перенесен на деревню от протекающей рядом речки *Сюйська* (или *Сюьска*, по источнику начала XX века (СНМНГ: IV, 40–45)), основой гидронима, оформленной русским относительным суффиксом *-ск-*, стало карел. *süivä* ‘глубокий’ (то есть *Сюйська/Сюьска* < **Сювьска(я речка)* ‘глубокая речка’).

К числу явно карельских по происхождению следует отнести названия пары соседних деревень на берегу Мсты: *Верхние Тиккулы* (*Верхние Тиккули*) и *Нижние Тиккулы* (*Нижние Тиккули*), которые тоже приходятся, как и вышеуказанная д. Сюйська, на Бургинское сельское поселение Маловишерского района. Правда, эти названия сравнительно поздно оказались зафиксированы письменностью: впервые о них становится известно из описания Крестецкого уезда 1866 года, где среди прочих фигурируют д. *Верхние Заболлоги* (*Верхние Тиккулы*) и д. *Нижние Заболлоги* (*Нижние Тиккулы*) прихода Хубецкой церкви (НС: IV, 118–119). Если ойконим *Заболлоги* (по иным источникам – *Зболлоги*) русского происхождения (включает корень *болог-* ‘хороший’ с выражением мелиоративной оценки места, местных угодий), то параллельный ему ойконим *Тиккулы* (*Тиккули*) произведен либо от карел. личного имени *Tikku* (гипокористика, подобная рус. *Тима*, *Тимоха*, от календарного *Тимофей*), либо от карел. прозвища *Tikku* (= карел. *tikku*, фин. *tikka* ‘дятел’) при помощи притяжательного суффикса *-la-*, характерного для прибалтийско-финской ойконимии отантропонимного образования. Учтявая, что по берегам Мсты в свое время обосновались многие карельские семьи, данное название могло первоначально указывать на местожительство некоего лица по имени *Tikku* или по прозвищу *Tikku* (во втором случае ойконим по смыслу примерно равен русскому ойкониму *Дятлово*, от прозвища *Дятел*). Более того, имеется интересное свидетельство о том, что в 1635 году на Мсте поселился выходец из Корельского уезда Афон Тимофей Тикку (см. № 2586 в списке карел-переселенцев, согласно [21]), хотя имел ли этот карел *Тикку* прямое отношение к д. *Тиккулы*, неизвестно. Однако о том, что в Верхних Тиккулах и Нижних Тиккулах раньше жили карелы, сообщили жители окрестных селений. Местные русские старожилы этих карел прозывали *пекали*: «Не финское, а... карелы, наверно, да?... Мы их звали пекалi. Всё их селение – пекалi их звали...» (д. Виниха, записи 2010 года)¹¹.

Ныне уже исчезнувшая д. Лукино Вельевской волости Демянского уезда в начале XX века иначе именовалась д. *Нъвуя* (СНМНГ: II, 24). В деревне несомненно жили карелы, судя по тому, что она была плотно окружена карельскими селениями (Сухая Ветошь, Марково, Овинчице,

Климово, Залужье, Исаково, Лобаново, Малое Замошье и др.), причем именно в этой труднодоступной заболоченной местности между озерами Велье, Шлино и Березай новгородско-валдайские карелы этнически сохранялись наиболее долго. Ойконим *Нъвуя*, похоже, интерпретируется как приб.-фин. структура с детерминантом: **Neva-oja* ‘болотистый ручей’, ср. карел. ‘вода, водоем’, ‘болото’, фин. *neva* ‘топь, трясина’ и карел., фин. *oja* ‘ручей’ [23: 2, 215, 262].

В редких случаях карелы, поселявшиеся на пустошах, не только усваивали готовое русское название, но и калькировали его. Этот процесс свидетельствуется наличием топообъектов, носящих одновременно русский ойконим и его карельское переложение. Например, урочище *Заполье* в Пирусской волости Боровичского уезда иначе именуется *Перье* (СНМНГ: VI, 104); первое название приравнивается к распространенному диалектному термину *заполье*, означающему обычно ‘дальнее поле’, ‘заднее поле’, а второе возводится к карел. *perä* ‘дальняя сторона’, ‘задняя сторона’.

Самым очевидным маркером присутствия в прошлом карельского этноязыкового элемента на территории Новгородской области является, конечно, местная новгородская микротопонимия – названия незначительных гор, ложбин, рощ, болотистых мест, ручьев, прудов, озерок, озерных островов и т. п. Карельские микротопонимы встречаются вокруг бывших карельских селений XIX–XX веков, но в настоящее время находки их редки даже в таких местах: близ каждой такой деревни можно найти в лучшем случае по несколько карелизмов, а преимущественный материал составят собственно русские микротопонимы. К сожалению, карельская микротопонимия Новгородской области до сих пор никем не собиралась (по крайней мере обширных списков ее я не видел), хотя говор, фольклор, этническое сознание валдайских карел обследовались неоднократно.

Кратко коснусь некоторых общих черт новгородской карельской микротопонимии. Она предстает в значительной мере обрусевшей, оформленной русской суффиксацией. Особенно часто к карельским основам присоединен русский диминутивный суффикс *-ушка*: *Шоккушка* сопка возле бывшей карельской д. Сосницы Крестецкого района, *Шилдушка*, или *Шилда*, *Шильда*, ручей, приток Полоны, левого притока Мсты немного севернее карельской д. Каёво Крестецкого района, *Шилдушки* болото и *Кангушки* болото, оба близ д. Середя Валдайского района, *Ламбушка* озерко близ д. Костково и д. Усиха северо-западнее Валдая. На территории Любытинского района восточнее районного центра отмечены: *Парламбушка* бессточное озерко близ бывшей карельской д. Одрино, *Рандушка* купальня на озере Каменском близ д. Каменка, *Корбушка*

и *Корвушка* – небольшие болотца возле д. Фальково, *Кубулушка* место в лесу и *Койвушка*, или *Койво Горушка*, возвышенность, оба названия близ д. Каменка, и др. Похоже, суффикс *-ушка*, который встречался в центральноновгородских говорах и до прихода карел, стал элементом карело-русского языкового симбиоза: он явно был усвоен самими карелами от русских и стал элементом их говора. На это намекает то обстоятельство, что суффикс *-ушка* приобрел высокую продуктивность на Валдае именно в последние столетия, и рост его продуктивности, надо полагать, напрямую связан с карельским усвоением. Аргументом в пользу карельского усвоения является и то, что в деревнях Каменка и Фальково восточнее пос. Любытино старожилы считают карельскими все микроназвания с суффиксом *-ушка* (*Баринушка*, *Рандушка*, *Кубулушка*, *Пенаушка*, *Копинаушка*, *Горушка*, *Бродумошка* и др.), хотя основы этих названий могут быть не только карельскими, но и генетически русскими. Название исчезнувшей ныне д. *Почерняево*, где раньше жили карелы, окрестным жителям д. Фальково известно во втором варианте *Почернушка*: данный вариант окрестные старожилы указали как карельский, и, надо полагать, его раньше использовали сами местные карелы.

Нетрудно обнаружить также карельские названия, не осложненные русской суффиксацией: *Шалма* пролив на р. Валдайка близ д. Селище неподалеку от Валдая, *Рожма* омут на р. Валдайка, *Лодма* низкое место в Окуловском районе, *Пукиа* маленькая речка в Маловишерском районе (ср. карел. твер. *pukšata* ‘хлопнуть’ [14: 221]), *Бруда* ручей, впадающий в озеро Черное у бывшей карельской д. Каменка Любытинского района (ср. твер. карел. *bruwdu* ‘пруд’¹²) и др.

Изредка встречаются двуосновные карельские микропонимы, например *Шумто-Вара* горка (к карел. *šitta* ‘кал, помет, навоз’) и *Мада-Ламба* озерко (ср. карел. *madala* ‘мелкий, неглубокий’) возле д. Костково Валдайского района. Чаще отмечаются полукальки, фиксирующие более продвинутый этап обрусения, как правило с русскими терминами *гóra*, *рúчей* (*руч*), *болóто*, *рóща*: *Чавра-Гора* близ д. Костково, *Мада-Болото* возле

д. Гагрино, *Кив-Руч* у д. Селище (все три деревни Валдайского района), *Матка-Ручей* близ д. Вагагино, *Тамме-Ручей*, *Ленне-Ручей*, *Шаве-Ручей*, *Хаба-Ручей* близ д. Сосницы (в Маловишерском районе), *Габо-Роцца*, *Гумо-Роцца* мыс и остров на озере Городно возле бывшей карельской д. Ерзовка Хвойнинского района, возможно, сюда же *Муморша* лес возле д. Гагрино Валдайского района (если из **Муммо-Роцца*, ср. карел. твер. *tumto* ‘корова’ [14: 166]) и др.

Наверняка карельскому языковому фактору обязано закрепление в современных новгородских говорах акцентологических диалектизмов *гóra* и *рúчей*. Первый из них локально распространен среди отдельных центральных новгородских говоров (мне приходилось слышать: «деревня стоит на *гóре*»), в частности, в Хвойнинском районе, второй – *рúчей* – получил широкое общенновгородское распространение.

Локусы, поименованные карельскими микропонимами, нередко овеяны местными народными легендами о нечистых местах, старинных захоронениях и др. Например, в д. Сосницы студентке НовГУ, выполнявшей там диалектологическую практику, рассказали следующее:

Сопка есть между Сосницами и Любцами, Шокушкой ее называют. Туда как-то приезжали, копали песок, но потом одному из тех людей сон приснился, в котором сказали: «Не троньте наши кости» и они прекратили рыть;

или:

Недалеко от Булково, там, где рúчей пересохшие (Леппе, Тамме, Хаба), а сейчас покосы, там камень был большой, а на камне отпечаток ладони и ступни. Камни и валуны крупные в реке были, а теперь снесло. Четверо ребятишек помещались. Тетка Лена там русалку видела: с камня нырнула, на другой берег и в кусты прошуршала. Да и много кто рассказывал, что их видел. Говорили, что в ямах в реке русалки, и что в Шушарах выходили они на берег волосы чесать (2015 год).

В заключение отмечу, что для более полноценных выводов необходимо целенаправленное собирание карельской топонимии на территории Новгородской области. Географические названия еще очень немногие «рассказали» нам о новгородской истории карельского народа и языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этнографическая карта Европейской России, составленная Петром Кеппенем. 3-е изд. СПб., 1855.

² Новгородский сборник / Под ред. Н. Богословского. Вып. II. Новгород: В тип. Сухова и Классона, 1865 (в работе сокращение НС: II).

³ Впрочем, нужно учитывать одно обстоятельство, на которое, по-моему, мало обращают внимание. Старорусский уезд в 1-й половине XIX века (до 1856 года) являлся территорией военных поселений, поэтому сведения о составе населения данного уезда, исходя из военной целесообразности, вряд ли предназначались для широкой огласки и, возможно, не были предоставлены Кёппену для создания этнографической карты. Кстати говоря, создание округов пахотных солдат само по себе могло стать одной из причин ускоренной русификации местных карел.

⁴ Новгородский сборник / Под ред. Н. Богословского. Вып. IV. Новгород: В тип. Сухова и Классона, 1866 (в работе сокращение НС: IV).

⁵ Источник сообщает, что в д. Лукиншина, помимо «корелян», в середине XVII века подселили также «поляков», под которыми следует разуметь белорусов – выходцев из-за польско-русского рубежа (из Речи Посполитой) [7: 307].

⁶ Ср. старое самоназвание ижорцев – *каръялайн* (*karjalain*), *каръяла* (*karjala*) [1: 117].

⁷ *Григоров* погост, скорее всего, случайная описка писца, следовало писать: *Тудоров* погост.

- ⁸ *Карельяк/карельяки* как вариантный карельский этноним – не что иное, как народно-диалектное новгородско-тверское образование от средневекового *корелянин* с замещением суффикса *-ан-, -ин-* на *-ак*; ср. этнонимы *поляк, словак*, образованные от ранних форм *pol'aniń, sloveniń* по этой же модели. Этноним *карельяк* в новгородских источниках ранее XVIII века не известен. См. еще новг. *карельячїха* ‘карелка’, Пестовский район [12: 432].
- ⁹ Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. I–VII. Новгород: Новгородская губ. тип., 1907–1912 (в работе сокращение СНМНГ).
- ¹⁰ Новгородские писцовые книги, изд. Археографическою комиссиею. Т. I–VI. СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1859–1910 (в работе сокращение НПК).
- ¹¹ К новг. диал. пикаль, пекаль ‘бабочка, мотылек’, ‘насекомое, похожее на овода’, ‘комар’ и др. [12: 817].
- ¹² Карел. *bruwdu*, в свою очередь, является заимствованием рус. пруд [9: 75].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.
2. Бландов А. А. «Нас всё карелякам звали, а мы карельского языка не знаем...»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С. 78–83.
3. Васильев В. Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: Свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2017. 344 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1998.
5. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1956. 79 с.
6. Журавлев А. Ф. Эволюции смыслов. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2016. 472 с.
7. Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв. / Подгот. публ. И. Ю. Анкудинов. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 456 с.
8. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / Пер. с финск. Л. В. Суни. Петрозаводск, 1998. 277 с.
9. Кузьмин Д. В. Географические термины русского происхождения в топонимии и диалектной лексике карельского ареала Тверской области // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 69–83.
10. Лебедев К. Город Валдай и его уезд. Опыт родиноведения. Холм: Тип. Н. И. Павлова, 1913. 31 с.
11. Мызников С. А. О некоторых особенностях карельского воздействия на русские говоры Новгородской области // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире. I. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2010. С. 165–173.
12. Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435 с.
13. Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 5. М.: Древлехранилище, 2004. 512 с.
14. Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
15. Пунжина А. В. Слушаю карельский говор: Образцы речи дёржанских и валдайских карел. Петрозаводск: Периодика, 2001. 206 с.
16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–5. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995–2004.
17. Фишман О. М. Тихвинские карелы старообрядцы: методология и результаты комплексного изучения феномена локальной этноконфессиональной группы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 49 с.
18. Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.; СПб., 2008.
19. Шварёв Н. М. Карелы Боровичского уезда Новгородской губернии в конце XIX – начале XX века и ранее // Вопросы уральстики 2014: Научный альманах / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор История, 2014. С. 557–612.
20. Якушкин П. И. Сочинения. М.: Современник, 1986. 591 с.
21. Muutto Käkisalmen läänistä ja Inkerinmaalta Venäjälle 1600-luvulla. Available at: www.tverinkarjala.fi/muuttoluettelot.html (accessed 12.05.2018).
22. Palmes P. Karjala valdai murrak. Tallinn, 1962. 226 s.
23. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
24. Virtaranta P. Juho Kujola karjalan ja lyydin tutkija. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 266). Helsinki, 1960. 189 s.

Vasilyev V. L., Novgorod State University (V. Novgorod, Russian Federation)

INFLUENCE OF THE 17TH CENTURY KARELIAN SETTLERS' LANGUAGE ON THE NOVGOROD REGION'S TOPONYMY

The first part of the article briefly examines the history of the Karelian population russification within the Novgorod region. The second, larger and more informative, part of the article explores how the Karelian language component has been reflected in Novgorod onomastics, especially in its toponymy. Today, Karelian geographical names can only be found in those parts of the Novgorod region, where the Karelians have existed as a separate ethnic group in the 20th century (the suburbs of such localities as Valdai, Borovichi, Okulovka, Lyubytino, Demansk, Krestey, and some villages along the middle flow of the Msta River). In such places, there are also folk legends about the Karelians' arrival and some reminiscences of their lives. Such ethnonyms as *Karel*, *Korel* or *Korelyak* are often used as collective nicknames of a certain village inhabitants and sometimes become the denominations of people who talk unclearly or with some dialectal peculiarities. The Karelians who have settled among the Russian population of the Novgorod Land usually borrowed Russian toponyms in their finished form, so, very few names of Novgorod villages have Karelian origins. The article offers a detailed analysis of the presumably or evidently Karelian village names: *Костково* (< *Касково*), *Тиккуль*, *Сюйска*, *Нъвуя*, *Перье*. Genetically Russian names of the villages sometimes also indicate the former presence of the Karelians:

Корельские Новики, Корельское Раменье, Пестово Корельское, etc. (with the attribute *Корельский, -ая, -ое*, which means “Karelian”), *Байнёво* (through translation of Karelian word *pertti*, which means “hut”, as a Novgorodian dialectal word *байня*, which means “bath-house”). The Karelian language contribution is best reflected by Novgorod regional names of small landscape objects near the villages (so-called “microtoponymy”). The article deals with different types of Karelian microtoponyms: 1) with a Russian suffix *-уик-* (*Шилдуушка, Кангууики, Ламбуушка*, etc.); 2) without Russian suffixes (*Шалма, Лодма, Рожма, Шакиа, Бруда*, etc.); 3) with two stems (*Шитто-Вара, Мада-Ламба, Тамме-Ручей, Габо-Роца*, etc.). Karelian microtoponyms are often associated with local folk legends about magical places, ancient graves, etc.

Key words: Karelians, assimilation, ethnosc, Novgorod region, toponyms, ethnonyms, dialectal vocabulary

REFERENCES

1. Ageeva R. A. What tribe do we belong to? Peoples of Russia: names and destiny. Reference dictionary. Moscow, Academia Publ., 2000. 424 p. (In Russ.)
2. Blandov A. A. “We were always called Koreljaks, but we don’t know the Karelian language...”: subethnic group of the Valdai Karelians in the 20th and the Early 21st Centuries. *Finno-Ugric World*. 2014. No 4. P. 78–83. (In Russ.)
3. Vasilyev V. L. Hydronymy of the Msta River basin: collection of names and the microsystems analysis. Moscow, Izdatel’skiy Dom YaSK Publ., 2017. 344 p. (In Russ.)
4. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living great russian language. Vol. 1–4. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1998. (In Russ.)
5. Zherbin A. S. Resettlement of the Karelians in Russia in the 17th century. Petrozavodsk, Gosizdat KFSSR Publ., 1956. 79 p. (In Russ.)
6. Zhuravljov A. F. Evolution of meanings. Moscow, Izdatel’skiy Dom YaSK Publ., 2016. 472 p. (In Russ.)
7. Ilmenskoye Poozerye and adjacent territories between the late 15th and the 17th centuries. Publ. by I. J. Ankudinov. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2014. 456 p. (In Russ.)
8. Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. History of the Karelian people. Transl. from Fin. by L. Suni. Petrozavodsk, 1998. 277 p. (In Russ.)
9. Kuz’min D. V. Geographical terms of Russian origin in the toponymy and dialectal vocabulary of the Karelian habitats in the Tver region. *Problems of Onomastics*. 2015. No 1 (18). P. 69–83. (In Russ.)
10. Lebedev K. Valdai town and its county. Homeland study experience. Holm, Tip. N. I. Pavlova Publ., 1913. 31 p. (In Russ.)
11. Myznikov S. A. Some features of Karelian impact on Russian dialects of the Novgorod region. *Humaniora: Lingua Russica. Works of Russian and Slavic Philology. Linguistics XIII. Development and Variability of Language in the Modern World. I*. Tartu, Tartuskiy universitet Publ., 2010. P. 165–173. (In Russ.)
12. Novgorod regional dictionary. Edition prepared by A. N. Levichkin and S. A. Myznikov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. XXVII, 1435 p. (In Russ.)
13. Cadastral books of the Novgorod land. Compiled by K. V. Baranov. Vol. 4. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2004. 512 p. (In Russ.)
14. Punzhina A. V. Dictionary of the Karelian language (Tver Dialects). Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1994. 396 p. (In Russ.)
15. Punzhina A. V. Listening to the Karelian dialect: speech Samples of Dyorzha and Valdai Karelians. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 206 p. (In Russ.)
16. Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas. Ed. A. S. Gerd. Vols. 1–5. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet Publ., 1995–2004. (In Russ.)
17. Fishman O. M. Old Believers among the Tihvin Karelians: methodology and results of a comprehensive study of local ethno-confessional group phenomenon. Abstract of Diss. Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 2011. 49 p. (In Russ.)
18. Frolov A. A., Piotuh N. V. Historical atlas of the Derevskaya Pyatina of the Novgorod Land (According to the 1495–1496 cadastral books). Vols 1–3. Moscow, St. Petersburg, 2008. (In Russ.)
19. Shvarjov N. M. Karelians of Borovichi County of the Novgorod Province in the late 19th and the early 20th centuries and earlier. *Problems of Uralistica 2014. Scientific Almanac*. St. Petersburg, Nestor Istoriya Publ., 2014. P. 557–612. (In Russ.)
20. Yakushkin P. I. Writings. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 591 p. (In Russ.)
21. Muutto Käkisalmen läänistä ja Inkerinmaalta Venäjälle 1600-luvulla. Available at: www.tverinkarjala.fi/muuttoluettelot.html (accessed 12.05.2018).
22. Palmeos P. Karjala valdai murrak. Tallinn, 1962. 226 s.
23. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
24. Virtaranta P. Juho Kujola karjalan ja lyydin tutkija. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 266). Helsinki, 1960. 189 s.

Поступила в редакцию 05.04.2018